

**ЧТО ГОВОРЯТ О ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СЛОВА-ПАРАЗИТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Е. Ф. Нечаева

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 28 декабря 2009 г.

Аннотация: *определяется первостепенность языкового сознания для оформления реалий в языке; выявляется особая роль «слов-паразитов», которые отражают коллективное бессознательное и позволяют определить сущностные особенности языкового сознания, функционирующего в соответствии с данным историческим периодом.*

Ключевые слова: *языковое сознание, коллективное бессознательное, слова-паразиты, сущностные характеристики, язык французской молодежи «верлан».*

Abstract: *the article overviews the linguistic and psychological approaches to the concept of linguistic consciousness; the priority of linguistic consciousness in the nomination of day-to-day realities is defined; a special attention is give to «parasite words»: they reflect the collective unconscious and identify essential features of the linguistic consciousness functioning in a given historical period.*

Key words: *linguistic consciousness, the collective unconscious, parasite words, essential features, French young people's slang «verlan».*

Дихотомия язык – речь, признаваемая лингвистами, позволяет рассматривать многие языковые проявления на фоне соотношения язык – речь. «Важнейшим принципом исследования языка как средства общения должен быть признан принцип изучения языковой системы через речь и речи через языковую систему» [1, с. 14]. Разговорная речь – источник выявления сущностных особенностей языкового сознания.

А. А. Залевская дает подробный анализ существующего положения дел по проблеме «языкового сознания» и обращает внимание на «определенные терминологические трудности» в понимании и определении этого понятия. По ее мнению, «определить понятие языкового сознания является крайне тяжелой задачей как из-за сложности собственно объекта познания, так и определения подходов к его изучению» [2, с. 85–91]. А. А. Залевская отмечает, что некоторые исследователи используют как синонимические и взаимозаменяемые такие понятия, как *языковое мышление* и *речевое мышление*.

В настоящее время существуют несколько вариантов трактовки языкового сознания. Наиболее полная и детальная характеристика языкового сознания дается в концепции Г. В. Ейгера, который рассматривает языковое сознание как «один из видов обыденного сознания, являющийся механизмом управления речевой деятельностью. Языковое сознание форми-

рует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы» [3, с. 23]. Г. В. Ейгер считает, что «языковое сознание является обязательным условием для существования и развития других форм сознания. Специфика феномена языкового сознания обнаруживается через конкретные проявления, в процессе функционирования, что делает необходимым детальный анализ различных функций языкового сознания» [3, с. 91].

П. Я. Гальперин и О. Я. Кабанова дают следующее определение: «Языковое сознание – это закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке» [4, с. 111–112].

По мнению Е. И. Горошко, «...определение языкового сознания на сегодняшнем этапе развития лингвистики должно быть многоаспектным: либо это единство ментальных и языковых структур в противопоставлении их в совокупности структурам деятельности, либо это знание языка в его строении и в принципах его использования для достижения своих целей, либо это «оперирование языковыми структурами для прояснения когнитивных структур» (Сусов, 1988, с. 174)» [5, с. 24]. Е. И. Горошко рассматривает языковое сознание в двух аспектах. «В широком значении языковое сознание включает в себя отражение объективного мира в двухстороннем знаке, в котором соединены представления о предметах и явлениях объективного мира со звуко-моторными представле-

ниями. Суть этой связи, по В. Гумбольдту, отражает внутреннюю форму языка... В узком значении языковое сознание можно определить как отражение специфической языковой структуры в подсознании носителей языка. Это – совокупность законов, правил и закономерностей языка на уровне умений, проявляющееся в умении правильно выбрать и употребить языковые средства в процессе коммуникации. Например, носитель языка может оценить любое речевое высказывание как правильное или нет, не всегда при этом умея объяснить основания для своей оценки» [5, с. 22].

Все эти определения, как и в случае с определением концепта, не являются взаимоисключающими; они лишь демонстрируют взгляд на проблему с различных сторон: психологической и лингвистической. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые предлагают разграничивать лингвистический и психологический подходы (при всем понимании взаимопроникновения этих процессов) к языковому сознанию, чтобы «избежать редуцирования представления о собственном предмете» [6, с. 170].

В нашем представлении, психолог должен учитывать особенности языкового сознания носителя языка с целью понимания специфики исходного «коллективного бессознательного». Лингвист в свою очередь должен предоставить психологу (и философу) данные об особенностях языкового сознания (или «внутреннего характера языка на всех уровнях», по Г. П. Мельникову), собранные путем: а) обращения к носителю языка и выявлению особенностей языкового сознания посредством тестов, опросов, ассоциативных экспериментов (их стройная система и четкие принципы разработаны в современной отечественной науке благодаря многолетним исследованиям А. А. Залевской, В. П. Пищальниковой, Е. И. Горошко и др.); в) лингвистического исследования самих языковых структур. Как показывает опыт, данные, выявленные посредством обращения к носителю языка путем ассоциативных экспериментов, как правило, совпадают с данными лингвистического исследования путем *считывания смысла* языковых структур. Высказывание Г. В. Ейгера о том, что «языковое сознание формирует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы» [3, с. 23], очень ясно дает понять степень активности языкового сознания, его первичности. По нашему представлению, именно языковое сознание определяет, в каком виде реальия войдет в данный конкретный язык и войдет ли вообще. Рассмотрим, например, ситуацию с такими характерными реальиями сегодняшнего дня, как *компьютер* и *мобильный телефон*, вошедшими во многие языки практически одновременно с появлением этих предметов в жизни челове-

ка. Однако в русском языке, легко принимающем в себя все иностранное – «*другое*» и, в большей степени, состоящем сегодня из слов иностранного происхождения, эти реалии звучат как реконструированные англицизмы «*компьютер*» и «*мобильный*» телефон, во французском – как «*ordinateur*» (т.е. приводящий в порядок) и «*téléphone portable*» (носимый, переносной) телефон. Формулировка, выбранная французским языковым сознанием, делает активным пользователя, человека. Языковое сознание оформляет реалию в языке и «называет» ее тем или иным способом. Так, по понятным причинам, во французском языке, например, технический термин «сетевой фильтр» выглядит как «*chambre de visite*» (комната визитов). В центре сознания – человек и его экзистенция.

Особым образом, на наш взгляд, характеризуют языковое сознание «слова-паразиты». Например, характерные для нашего времени «слова-паразиты» русского языка *типа* и *как бы*, по замечанию М. А. Кронгауза, «восходят к совершенно нормальным русским словам, которые вдруг начинают употребляться чаще и в совершенно неуместных контекстах и ситуациях. Есть люди, у которых *как бы* встречается чуть не перед каждым словом» [7, с. 42]. Все «мелкие» слова имеют глубинный смысл. Если у большого числа носителей языка появляется в употреблении та или иная словарная единица якобы бессознательно, значит, языковое сознание диктует выбор именно этой единицы, и ее первичное значение необходимо сознанию для отражения особенностей того или иного исторического периода. Так, в советский период самыми распространенными «словами-паразитами» были *так сказать* и *это самое*. Вероятно, это связано с тем, что люди были вынуждены часто говорить не то, что думают, следить за своими словами, дабы не сказать лишнего. Сегодняшняя жизнь требует спешки, поэтому возникает повсеместное *короче*. Жизнь во многом протекает в иллюзорном пространстве, реальное сливается с виртуальным. Жизнь превращается в *как бы* жизнь. Кроме того, *как бы* заменяет человеку знание этикета, делает его речь более «весомой». По словам М. А. Кронгауза, «как это ни парадоксально звучит, это слово стало очень своеобразным инструментом вежливости (или *как бы* вежливости). Фактически оно означает, что говорящий отказывается делать резкие и окончательные высказывания о мире, а каждый раз заявляет о своей неуверенности, об отсутствии у него права делать такие утверждения, и в том числе о его невысоком статусе, в частности по отношению к собеседнику» [7, с. 42]. М. А. Кронгауз утверждает, что «тот факт, что именно *как бы* стало самым распространенным словом-паразитом нашего времени, свидетельствует о нашем времени» [7, с. 43]. С нашей точки зрения, это безусловное свидетельство времени, но в первую

очередь особенностей языкового сознания. К примеру, второе наиболее популярное «слово-паразит» сегодняшнего дня *на самом деле*, по нашему представлению, четко демонстрирует движение по пути индивидуализации. Русское языковое сознание «не приветствует» выпячивание собственной точки зрения, собственного взгляда на жизнь, а современная жизнь усиленно этого требует. Вместо того, чтобы сказать «*Я думаю следующим образом...*», что могло бы показаться нескромным с позиции русского языкового сознания, вставляется *на самом деле*, после чего, как правило, следует собственное, субъективное мнение. Как полагает О. Северцева: «В то время, как одни как бы живут и как бы разговаривают, другие становятся прямо-таки «гиперреалистами»: на самом деле, как пелось когда-то, «встречаются, влюбляются, женятся», на самом деле воспитывают детей, в самом деле ходят на работу... И каждую свою фразу такие поборники «трезвого взгляда на жизнь» начинают вроде бы с развенчания всего сказанного раньше. Скорее всего, это «на самом деле» возникло в нашей речи как противовес условному «как бы». И, увы, со временем тоже стало речевым «паразитом» [8, с. 2].

Все культуры и, соответственно, все языки сейчас фактически переживают процесс исчезновения устного литературного языка. Все языки подвержены различного рода сокращениям. Какие именно языковые элементы будут сокращены, зависит от особенностей языкового сознания. Так, во французском языке очень распространены различные сокращения и варианты сжатия.

Например, *PDG* – президент, генеральный директор (даже при обращении), *svp* – пожалуйста (даже при обращении) и т.д.

Однако притяжательные конструкции не подвержены сокращениям. Можно предположить, что в один прекрасный день французы скажут вместо «*je bois mon café / я пью мой кофе*» – «*j. b. mon c.*», но категория «*mon*» сохранится, в отличие от американского варианта английского: «*I wash my hands – I washed*».

В последнее время во французской молодежной среде развит новый язык – язык сокращения и произнесения слов наоборот «*verlan*»: *vizarre : zarbi*, *vlouson : zomblou*, *bonhomme : nombo*, *cablé : bleak*, *café : féca*, *choper : pécho*.

Обычно в верлан переводятся далеко не все слова, в основном существительные и глаголы в неопределенной форме. Никогда не кодируются все слова в предложении. «Верлан лишен грамматических показателей» [8, с. 34]. Весьма интересным представляется тот факт, что одними из первых вошедшими в верлан стали французские местоименные конструкции: *chez moi* и *chez toi*: *cheoim* и *cheouate*, что говорит о их значимости и первичности для французского

языкового сознания. Сегодня верлан представляет собой явление, выходящее за рамки чисто лингвистического; это выражение новой культуры, способ создания определенной группы, некоего круга «своих» (чего «не приветствует» французское сознание, в большей степени направленное на индивидуум).

Весьма красноречиво, по нашему мнению, говорит об особенностях французского языкового сознания очень распространенное сегодня слово-паразит «*si tu veux*», демонстрирующее приоритеты «коллективного бессознательного». По аналогии с нашим «*как бы*», ранее существовавшее как вполне значимое выражение, признанное продемонстрировать уважение к желанию собеседника, сегодня оно возникает в речи с высокой степенью частотности и «неуместности». Замечено, что при рассказывании анекдотов или каких-то забавных случаев оно может употребляться чуть ли ни через слово, как и русское «*как бы*».

Таким образом, слова-паразиты, доставляющие столько неприятностей в повседневном общении, на наш взгляд, являют собой интереснейший лингвистический материал для определения особенностей и приоритетов того или иного языкового сознания в соответствии с запросами времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чаплыгина И. Д. Средства адресованности. Ты-категория в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук / И. Д. Чаплыгина. – М., 2002.
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека (психолингвистическое исследование) / А. А. Залевская. – Воронеж : Воронеж. ун-т, 1990.
3. Ейгер Г. В. Языковое сознание и механизм контроля языковой правильности речи / Г. В. Ейгер // Тезисы IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание» (Москва, 30 мая–2 июня 1988 г.). – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
4. Кабанова О. Я. Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке / О. Я. Кабанова, П. Я. Гальперин // Управление познавательной деятельностью учащихся / под ред. П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной. – М. : Изд-во МГУ, 1972.
5. Горошко Е. И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма) : дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Горошко. – М., 2001.
6. Стеценко А. П. Психологический и лингвистический подходы к проблеме языкового сознания / А. П. Стеценко // Тезисы IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание» (Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г.). – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
7. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : Знак, 2009.

8. Васенева Е. В. Некоторые лексические особенности языка современной французской молодежи. Французский язык и культура Франции в России XXI века / Е. В. Васенева // Материалы II Междунар. науч.-

практ. конф. (Н. Новгород, 2–3 ноября 2009 г.). – Н. Новгород : Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2009.

Московский государственный педагогический университет

*Нечаева Е. Ф., кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения,
E-mail: nechaeva190@yandex.ru*

Moscow State Pedagogical University

*Nechaeva E. F., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Translation and Translation Studies
E-mail: nechaeva190@yandex.ru*